

НАША СТРАНА

Год издания 78-й. Буэнос Айрес, 10 августа 2026

“NUESTRO PAIS”

Buenos Aires, 10 de agosto de 2026

No 3275

Русские участники белой борьбы испанцев

К 90-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ИБЕРИЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Князь Николай Всеволодович Кудашев (1903 Кременчуг - 1978 Нью Йорк) написал стихотворение “Альказар” в самом начале гражданской войны в Испании, когда два месяца державшийся в осаде в Толедской крепости Альказар, героический малый гарнизон белых испанцев, был освобождён Франкистскими войсками.

Стихотворение талантливо отражает восприятие белой эмиграцией гражданской войны в Испании 1936 года, преемственность русских и испанских антибольшевиков и эпiku защиты крепости в Толедо.

Кудашев, корнет Ахтырского гусарского полка, сражался против коммунистов в рядах Белой Армии на Юге России, а также был чином Русского Корпуса на Балканах. Многие русские белые воевали на стороне генерала Франко во время гражданской войны в Испании в 1936-1939 годы и также в испанской “Голубой Дивизии” на Восточном Фронте в 1941-1943-м годах.

Военных преступлений эти русские не совершали, нацистскую идеологию не разделяли (как не разделяло её и большинство испанских добровольцев), Голубая Дивизия была фронтовым, а не карательным формированием.

Для них это было продолжением войны против большевиков, также как для испанских патриотов это было продолжением борьбы против коммунизма, которую они вели у себя на родине во второй половине 1930-х.

Противников генерала Франко из лагеря “республиканцев” (а на самом деле - красных) активно и весьма щедро финансировали, инструктировали и снабжали оружием советские власти. На стороне “республиканцев” воевало много засланных из Советского Союза. За всё время войны в Испанию было послано 1811 советских военных специалистов, которые принимали непосредственное участие в военных действиях.

Поэтому испанские националисты имели полное моральное право участвовать в войне против СССР, который первым начал фактическую военную агрессию против Испании, формально не объявляя ей войны (это была так называемая “гибридная агрессия”, выражаясь современным языком).

Существует масса свидетельств жителей Новгородской, Псковской и Ленинградской областей (на территории которых вела бои Голубая Дивизия), которые вспоминают испанских солдат добрым словом и рассказывают о том, насколько их поведение отличалось от поведения немцев в лучшую сторону. Конечно, различные эксцессы могли иметь место, но позитивный опыт общения и совместного проживания русских и испанцев явно преобладал

над негативными сторонами, чего невозможно было сказать о взаимоотношениях с немцами.

Невозможно не уважать выбор тех русских националистов и ветеранов Белой Армии, которые боролись против СССР на Восточном Фронте в рядах испанских фалангистов. Выбор был честным, искренним и последовательным.

Светлая им память...

В «Алфавитном указателе русских добровольцев», в книге А. П. Яремчука 2-го, перечислено 66 русских эмигрантов, участвовавших в испанской гражданской войне на стороне Франко, и указано, кто из них позже был в Голубой Дивизии, в РОА или в итальянских войсках, воевавших на Восточном фронте.

Сообщение, опубликованное в немецких миссиях Европы содержало директиву о нежелательности рекрутирования русских добровольцев «по политическим резонам». Исключая определённых лиц, которые, по своим специальным способностям, могли бы служить для «определённых специальных потребностей», любая попытка в этом смысле должна быть любезно отвергнута (затянуть решение вопроса). В случае необходимости, можно аргументировать тем, что

Германия хочет избежать ситуации, когда попав в плен, русские стали бы считаться предателями своей родины. Исключение составляют добровольцы из балтийских стран (литовцы, латыши и эстонцы), просьбы которых можно в будущем удовлетворять.

Но вопреки немецким директивам, декан бывших бойцов гражданской войны в Испании, полковник царской армии Николай Болтин собрал 29 добровольцев, желавших вступить в Дивизию. Среди них были представители разных народностей Российской Империи.

Они прибыли в Генеральный Штаб Испанской Армии 28 июня и 3 июля двумя партиями. Дело шло почти исключительно о бывших царских военных, участвовавших в испанской Гражданской войне; половина из них имела испанское гражданство. Все, исключая Болтина, – были сначала приняты. Из 28 человек 10 должны были использоваться как переводчики, двое в картографической службе, и несмотря на свои звания и военный опыт, остальные должны были стать рядовыми. Все они имели много общего: были твёрдые антикоммунисты и сражались в Белой Армии. Все вынуждены

были эмигрировать из своей страны и сейчас стремились вернуться туда как освободители, использовав для этого Германию.

Мы знаем, например, что Али Гурский, как только узнал о вторжении в СССР, хотел вступить в Вермахт, обратившись в военное ведомство («в этот момент, когда Фюрер Гитлер объявил войну коммунистам-большевикам, разрушившим мою Родину, и вступил в Россию, я считаю, что мой священный долг старого русского офицера и патриота немедленно идти туда, чтобы ещё раз помочь всеми моими силами и знаниями освобождению моей старой Родины от ужасного коммунистического террора»). К этим добровольцам следует добавить одного лейтенанта лётчика, направленного в Сабадель в Голубую Эскадрилью. Тем не менее, немецкие директивы относительно добровольцев русского происхождения были весьма ясными и, хотя бы частично, мешали испанцам.

В конце июня испанский посол в Бухаресте информировал Комиссию о просьбе одного русского вступить в Голубую Дивизию, а в середине августа Комиссария Марокко сообщила о другом таком же русском. Обе просьбы были отклонены в сентябре Генеральным Штабом с тем же аргументом: невозможно, чтобы русские, хотя бы и имеющие испанское гражданство, были включены в Голубую Дивизию.

Исключением был один русский фалангист, который 23 июня просил в Барселоне паспорт для вступления в «имперские русские силы, которые сражаются на антисоветской стороне». Он 26 июня был отправлен в Ирун, откуда должен был выехать во Францию, чтобы «войти в немецкую армию».

Вот что писал сотрудник “Нашей Страны” Владимир Рудинский в буносайресском журнале Русского Корпуса «Под Белым Крестом» (№ 2, апрель; № 3, сентябрь 1952 г.):

«В слободе Покровской, через которую мне надо было пройти, я имел от знакомых адрес русского эмигранта Александра Александровича Трингама, состоявшего на службе в Голубой Дивизии и в тот момент работавшего в штабе в чине майора. Я отыскал его дом, поднялся на крыльцо и постучал. Молодой белокурый паренёк в испанской форме открыл мне дверь. Я спросил его по-испански, здесь ли живет сеньор Трингам. В ответ он повернулся и крикнул «Александр Александрович! Тут тебя какой-то спрашивает...» Александр Александрович ещё не встал – было раннее утро. Я прошёл в его комнату. Высокий, с энергичным лицом, на вид ещё молодой (хотя он не был слишком молод, так как принял участие

АЛЬКАЗАР

*Нам скажут: чужая победа,
Чужого похмелья угар.
Неправда! Нам близок в Толедо
Отбивший врага Альказар.*

*Мы первыми подняли знамя
И первыми вынули меч.
Изгнания годы за нами
И горькая слава предтеч.*

*Начало - в кубанских станицах,
В Толедо - преддверье конца...
Всех верных зовут причаститься
Отчизне отдавших сердца.*

*Понятными нам письменами
Чеканится белая быль -
Готовность идти за вождями
На плаху и ранний костыль.*

*Как белой идеи победа,
Как первый ответный удар,
Да здравствует наше Толедо!
Да здравствует наш Альказар!*

Князь Н. Кудашев

в гражданской войне в России уже в чине капитана), с типичной офицерской выправкой, которая сразу бросалась в глаза, он принял меня очень любезно, когда я передал ему мое рекомендательное письмо.

Через несколько минут у нас завязался оживленный, дружеский разговор. Трингам рассказал мне, что он сражался на стороне генерала Франко, куда отправился с началом красного мятежа в Испании; после войны получил испанское подданство и работал бухгалтером на большой фабрике в Мадриде. Он говорил, что им, белым русским, было очень трудно попасть на службу в Дивизию в силу противодействия не испанцев, а немцев. Ему удалось устроиться туда лишь благодаря случайности: в последний момент оказалось, что в одной из частей неоставало людей для ухода за лошадьми, и его приняли конюхом. В дальнейшем же знание русского языка помогло ему сделать быструю карьеру. По его словам, из десятка с лишним русских, поступивших в Дивизию, трое было убито, несколько человек вернулось в Испанию, задетые враждебностью немцев, остальные же продолжали работать.

Но интереснее всего были для меня полученные от него сведения о русской эмиграции – он был первым её представителем, которого я увидел своими глазами.

Судя по моему новому знакомому, об эмиграции у меня создалось самое лучшее мнение. Трингам был убеждённый монархист: «Недаром династия Романовых правила в России 300 лет!» – и состоял в одной из монархических организаций, к сожалению, не помню, в какой именно. Он был именно таким человеком, из каких по нашему представлению должна была состоять эмиграция. Характерно в нём было то, что он употреблял всё свое влияние у испанцев на пользу русского населения. В деревне все его знали и не могли им нахвалиться. Между прочим, его денщик, открывший мне дверь, был пленный красноармеец, которого он выручил из лагеря. У меня от этой встречи надолго осталась вера в русскую эмиграцию».

Ещё одна запись А. Жукова из Опричного Братства Святого Преподобного Иосифа Волоцкого: «Ряд русских добровольцев, сражавшихся в Испании, в годы советско-германской войны принимали участие в боевых действиях на Восточном фронте в составе испанской «Голубой Дивизии». Среди них: Н. С. Артюхов, К. А. Гончаренко, С. К. Гурский, В. А. Клименко, В. Е. Кривошея, Л. Г. Тоцкий, А. А. Трингам. Некоторые из них начинали свою службу переводчиками и даже, как А. А. Трингам, простыми конюхами. Их численность составляла около 10 человек, трое из которых были убиты. В составе итальянских частей, вместе с Вермахтом вступивших на советскую территорию в июне 1941 г. воевали П. В. Белин, Н. И. Селиванов, Н. К. Сладков, А. П. Яремчук-второй. С началом войны против СССР приступили к организации русских добровольческих частей в составе германского Вермахта и позднее вошли в состав РОА граф Г. П. Ламсдорф, И. К. Сахаров и другие. Но это уже и другая история..."

Вопрос участия русских эмигрантов в ожидаемой войне против СССР обсуждался на страницах практически всех эмигрантских газет. Приведём

выдержки из некоторых статей, характеризующих настроения русских эмигрантов в этот период, и в частности по вопросу о сотрудничестве с Германией. Так, главный редактор «Часового» и один из видных членов Русского Обще-Воинского Союза (РОВС) В. В. Орехов призывал на страницах журнала не вмешиваться в конфликт, пока одна из сторон не объявит о том, что борьба идёт в том числе и против большевиков за национальную Россию. В «Часовом» № 227 за 1939 г. он писал: “Мы – русские люди – отчётливо сознаем огромную роль, сыгранную Германией Гитлера в деле борьбы с мировым большевизмом, но дальше мы ничего не знаем. Так же как мы не можем утверждать, что Германия будет другом России, так же мы не смеем, не имея никаких данных, кроме цитат из старой книги Гитлера, приписывать ей роль нашего врага. Если же будет худшее, если Германия действительно из чисто эгоистических интересов пойдёт на создание враждебной российской идее украинской акции, мы никогда не приложим своих рук к этому противному русскому национальному достоинству делу”.

Позже, в 1941 г., начальник 1-го (французского) отдела РОВС генерал В. К. Витковский заявил, что «Русская кровь может быть пролита только за русское дело».

Большим ударом для многих эмигрантов, надеявшихся на помощь Германии в борьбе с коммунизмом, стало заключение советско-германского пакта в августе 1939 г. Точно так же, как попытки Англии и Франции добиться антигитлеровского союза со Сталиным отталкивали правую эмиграцию от демократий, так и пакт Молотова-Риббентропа оттолкнул значительную часть правой эмиграции от гитлеровской коалиции.

Однако значительная часть правой эмиграции продолжала надеяться, что этот пакт чисто тактический, что Гитлер не отбросил антикоммунистических целей, а лишь временно приостановил их осуществление. Эти надежды - казалось бы - вскоре оправдались. Русская эмиграция вновь устремила свои взоры на Германию, тем более что она фактически была единственным антикоммунистическим государством. Русским эмигрантам очень хотелось верить, что хотя бы эти, какие ни есть, немцы всё же помогут освобождению России.

После 22 июня 1941 г. перед большинством эмигрантов встал уже не абстрактный выбор. Отныне для каждого отдельного человека выбор заключался в том, включиться ли самому в события, стараясь использовать их на пользу своему народу, или остаться в стороне. Идеей главного течения в русской эмиграции — стала возможность свержения сталинской диктатуры используя германские штыки. Настроения, которые после 22 июня 1941 г. охватили значительную часть русских эмигрантов, передаёт в воспоминаниях В.В. Шульгин: «Пусть только будет война! Пусть только дадут русскому народу в руки оружие! Он обернёт его против ненавистной ему советской власти! И он свергнет её!».

За месяц до нападения на СССР глава германского отдела РОВСа генерал Алексей фон Лампе направил письмо командующему германскими сухопутными

силами генерал-фельдмаршалу В. фон Браухичу с предложением использовать эмигрантов в готовящейся войне против СССР. Это обращение осталось без ответа. После нападения, фон Лампе еще раз обратился к фон Браухичу с аналогичным предложением и получил ответ, что участие в войне русской эмиграции германской стороной не предполагается.

С аналогичным предложением к немцам обратился и один из руководителей французского отдела РОВС генерал Кусонский. Ответа на обращение не последовало.

Однако, несмотря на нежелание германских властей использовать в войне с СССР русских эмигрантов, некоторые воинские формирования из их числа были всё же созданы. Крупнейшим из них являлся «Русский Корпус», а также был организован и особый полк «Варяг», - оба на Балканах. В конце войны эти части вошли в состав Вооруженных Сил Комитета Освобождения Народов России под руководством генерала А. А. Власова.

В отличие от Германии, Австрии и других государств, где оказались представители второй русской эмиграции, в Италии было очень мало периодических изданий русской эмиграции. В Риме издавался «Русский Клич» – наиболее известное периодическое издание... Там участвовали наиболее известные русские эмигранты Первой Волны, а из Второй Волны - Владимир Андреевич Рудинский, впоследствии известный публицист второй половины 20–го века (настоящие его имя и фамилия Даниил Фёдорович Петров, он ушёл из – под Ленинграда с Голубой Дивизией, где был переводчиком).

Генерал Франко питал лично очень большую симпатию к русским legionерам и настоял на их обязательном участии в параде победы в Валенсии 18 марта 1939 года. По воспоминаниям участников этого мероприятия, всем участвовавшим в параде выдали новое обмундирование, офицерам – белые перчатки. К алым беретам прицепили кисти – шофры, их цвет зависел от звания legionера.

Русский отряд, шедший на правом фланге сводного батальона испанского Иностранного Legionа с национальным триколором, привлекал к себе всеобщее внимание. Каким уважением пользовались среди legionеров русские, свидетельствует то, что по испанской воинской традиции нести знамя батальона legionа должен офицер. Однако офицеры Legionа настояли на том, чтобы знамя батальона нёс на параде Али Гурский как лучший legionер, хотя он и не имел офицерского чина.

Русские, практически все ставшие в испанском Legionе офицерами, достигли здесь больших высот и продолжали верой и правдой служить генералу Франко. Так, русский доброволец Болтин дослужился до чина полковника и умер в 1961 году. То, что русскому человеку была оказана такая высокая честь – представление иностранца к столь высокому в испанской армии чину, что ранее запрещалось, свидетельствует о высочайших профессиональных качествах русских офицеров, попавших в Испанию. Русские добровольцы навсегда вошли в историю испанского антикоммунизма и способствовали созданию высоко-го авторитета русского имени.

О. Бартенев

ЛЕВО-ЛИБЕРАЛЬНЫЕ МИФЫ

Со злополучного “восстания декабристов”, началось недоброй памяти “освободительное движение”, имевшее мало общего с настоящим освобождением (как запоздало признал один из деятелей этого движения, П. Б. Струве, «просто исторически непрерываемо, что в «деяниях» русской монархии, начиная от Елизаветы, отменившей внутренние таможенные пошлины, через Екатерину, покончившую с частными монополиями, через Александра II, установившего земское самоуправление, создавшего правильное судостроительство и судопроизводство и, казалось, навсегда и с корнем изгнавшего из суда всякую тень взяточничества, что в этих деяниях гораздо больше от здравых и прогрессивных начал французской революции, чем во всей русской революции»).

А в РФ по-прежнему распространяют леволиберальные мифы.

Присяжный историк Алексей Кузнецов никогда не говорит о главном. Не говорит о том, что декабристы обманули солдат, убедив их, что выступают за законного Государя Константина Павловича “и его жену Конституцию”, и подставив тем самым под карточь, и о том, что никто из декабристов почему-то не погиб, хотя невинного народу полегло из-за них много сотен. Так что “освободительное движение” началось с провокации и обмана; они же сопровождали весь его дальнейший кровавый путь.

“Историк” А. Кузнецов сочувственно рисует молодого декабриста А.Одоевского:”Накануне восстания пьяненький, ходил ко всем, приставал: “Господа, как слав-но завтра мы умрём”. И хотя это (ну, я же учитель, я же понимаю), это возрастное. Но оно честное, возрастное, оно мне симпатично”.

Может кому и симпатично, но почему-то умереть среди своих солдат не захотел Одоевский, а предпочёл славной смерти не слишком продолжительную каторгу, где прославился строкой “Из искры возгорится пламя”, впоследствии ставшей девизом для большевической газеты.

Даже Википедия в статье о восстании о главном не говорит: упоминания о количестве жертв в ней не найдете. Зачем показывать масштаб кровопролития, спровоцированного столь симпатичными людьми, из которых, правда, ни один не погиб? Нет, не надо нам в такие “детали” вдаваться.

Про обман говорится округло: “Для привлечения солдат и матросов был выдвинут лозунг защиты прав великого князя Константина Павловича, которого младший брат Николай якобы незаконно отстранил от власти. А для повышения заинтересованности солдат, им надлежало внушить, что великий князь собирался уменьшить срок службы до 15 лет.”

Слышите? Не обман, а привлечение! Вот так “привлекательно” всё у них было... “Надлежало внушить” - ну прямо какая-то неизбежность, кто-то заставил внушать, то есть врать! И т. д. и т. п. Таковы мощь леволиберального мифа, партийной цензуры и самоцензуры: простейшие факты, лежащие на самом виду, могут игнорироваться десятилетиями и даже столетиями.

Б. Глебов

Протоиерей Герман Иванов-Тринадцатый

ИСТИННЫЙ БОРЕЦ ЗА ПРАВОСЛАВНУЮ ВЕРУ

Андрей Николаевич Муравьев (1806-1874) родился в Москве, в старинной русской дворянской семье известной с XV-го века. Младший брат двух выдающихся деятелей истории России: прославленного наместника Кавказа, генерала-от-инфантерии Николая Николаевича Муравьева-Карского, и другой видной личности, Михаила Николаевича Муравьева-Вилenskого, прославившегося подавлением польского восстания.

В отличие от своих упомянутых братьев Андрей Николаевич не оставил особого следа в военной области, но тем не менее прославился не меньше своих братьев в отечественной истории, однако в области духовной литературы и церковной истории.

А. Н. Муравьев на редкость многогранная личность. Он одновременно духовный писатель, историк Церкви, паломник, путешественник, драматург, поэт, не состоявший обер-прокурор, почётный член Императорской академии наук, камергер Императорского Двора. Но до некоторой степени его судьба определилась после его путешествия-паломничества на Святую Землю в конце 1829 года, благодаря чему он вошёл в историю России.

После поражения Турции и заключения 2 сентября 1829 г. Адрианопольского мира А. Н. Муравьев решил исполнить давнее «желание сердца — пуститься в тяжкий и долгий путь, который всегда был моею целью — в Иерусалим». Увиденное и пережитое им на Святой Земле определило его будущее, возбудив в нём интерес ко всем святым местам, где бы они ни были, и которыми столь богата Россия. По возвращении, сочинил книгу со своими впечатлениями, вышедшую в 1832 г. и сразу же ставшей настоящим, не только литературным, но культурным событием. И тут следует подчеркнуть, что Андрей Николаевич точно вписывается в свою эпоху, и может даже считаться одним из её предвестников, которую можно характеризовать, как эпоху возрождения Русской Церкви после леденящей летаргии после-петровского восемнадцатого века. Как всегда и всюду — нет правила без исключений: да, в XVIII-ом веке были некоторые духовные жемчужины — святые Тихон Задонский, Митрофан Воронежский, Димитрий Ростовский, Иоанн Тобольский, но это были своего рода оазисы, окруженные океаном бездуховности и мало влияющие на окружающую среду.

Однако, под видимой безжизненностью Русской Церкви той эпохи теплился всё же живой огонёк, который разгорелся в XIX-ом столетии и обратился в мощный пламенный поток, воспламенивший и богословскую науку, и духовную жизнь и вообще русское общество, — именно общество, а не только церковную среду. Стоит упомянуть хотя бы тот воистину общественный феномен, каковым явилась Оптиная Пустынь в духовной, культурной и общественной жизни и истории России.

Андрей Николаевич был именно одним из тех, кто сумел привлечь интерес светского общества к церковным вопросам. Он, как духовный писатель, поставил тему Церкви на должную высоту, что привело высшее русское общество к интересу к таким темам, считавшимся до этого занятием одних церковников. Как писал Н. С. Лесков, называвший А. Н. Муравьева писателем известным своим Православием, «он первый из светских людей начал вещать о таких вопросах, которыми до него «светские» люди не интересовались и не умели за них тронуться».

Его многочисленные сочинения стали первыми на русском языке книгами духовного содержания, получившими распространение в среде высшего общества.

Долголетний профессор Московской Духовной Академии, учёный богослов, П. С. Казанский о нём писал, что «он заставил высшее общество читать книги духовного содержания, писанные по-русски».

Русское общество было поражено тем, что представлялось духовным подвигом, совершенным молодым, двадцатичетырёхлетним человеком.

Прибыл Андрей Николаевич во Иерусалим накануне Пасхи 1830 года, и вспоминал: «В Иерусалиме приняли меня, как вестника мира, ибо я первый из русских явился туда после войны, и едва верили моему счастью утешенные христиане».

В июне 1832 года "Путешествие ко Святым Местам" вышло в свет и полностью разошлось уже к концу года. Книга выдержала затем пять прижизненных российских изданий, была также переведена на ряд европейских языков, и сразу принесла молодому автору большую популярность, как в духовной среде, так и в светском культурном обществе.

Знаменитый Московский Митрополит Филарет /Дроздов/ очень быстро оценил юный талант и стал постоянным собеседником и духовным наставником Муравьева. Целой книгой были изданы письма, адресованные молодому идеалисту, знатоку и блюстителю богослужебного устава, великим святителем, оказавшим большое влияние на его литературное наследие.

Особо следует отметить уважение, питаемое А. С. Пушкиным к такому неожиданному талантливому коллеге по перу: «С умилением и невольной завистью прочли мы книгу г-на Муравьева... Он посетил Св. Места, как верующий, как смиренный христианин, как простодушный крестоносец, жаждущий повергнуться во прах пред гробом Христа Спасителя». Как нельзя более точно Пушкин уловил, каким глубоким духовным чувством был движим Муравьев: «Молодой наш соотечественник привлечён

туда не суетным желанием обрести краски для поэтического романа, не беспокойным любопытством найти насильственные впечатления для сердца усталого, притуплённого... Ему представилась возможность исполнить давнее желание сердца, любимую мечту отрочества... о ключах Св. Храма, о Иерусалиме».

По своему слогу говорилось, что молодой Муравьев напоминал современникам маститого Н. М. Карамзина, также описавшего с большой искренностью в "Письмах русского путешественника" свои переживания, излагая живым языком путевые записки при посещении Европы. И с другой всемирной тогда литературной величиной, Франсуа-Ренэ де Шатобрианом, сравнивали его в России, особенно в связи с книгой Шатобриана "Путешествие из Парижа в Иерусалим", вышедшей 20 лет до этого и пользующейся большим успехом и интересом среди высшего общества, свободно владеющего французским языком.

Остановим тут перечень хвалебных отзывов на "Путешествие к святым местам" и его автора. Андрей Николаевич, явно воодушевлённый таким успехом, всецело придаёт свои умственные и духовные силы для раскрытия всей красоты и чистоты православной веры.

Всем известна крылатая фраза Достоевского: «Быть Русским — значит быть Православным». То же самое говорит и Муравьев в более просторной формуле: «Без Православия, без истинного уважения к нему, едва ли даже можно быть Русским: одно выражается другим» и полностью оставляет он поэтическое поприще и посвящает себя церковной публицистике.

Первым делом почувствовал он необходимость подробно изучить всеобщую историю Церкви. С этой целью обратился он к изучению монументального труда французского аббата Клода Флери, составившего на протяжении 30 лет просторнейшую двадцатитомную церковную историю Histoire ecclésiastique, которая являлась, и может ещё служить, бесценным кладом церковной информации.

Недостаток этого гигантского труда в том, что он был в частности задуман для опровержения протестантских позиций и утверждения абсолютного авторитета папы. Однако, как увидим, Андрей Николаевич сумел извлечь всё полезное в смысле ссылок, цитат и вообще богатейшей информации, оставив в стороне всё, что именно было явно папистской дезинформацией.

Многочисленные выдержки из Святых Отцов побудили его к изучению самих трудов, что дало ему полное и правдивое представление самой церковной истории.

В 1838 году он издаёт свою краткую "Историю Российской Церкви", которая «есть только быстрый очерк великих событий, ознаменовавших начало и постепенное развитие сей цветущей отрасли Вселенской Церкви», как он сам пишет в Предисловии труда не утратившего свой авторитет и по сей день, и стал он издавать целый ряд Писем на церковные вопросы.

Можно насчитать не менее ста пятидесяти разных трудов, среди которых некоторые переиздавались по несколько раз: Изложение Символа веры, Письма

о Богослужении, Путешествие по Святым местам русским, О Литургии, Письма о магометанстве, Жития святых Российской Церкви, Акафист св. апостолу Андрею Первозванному, Письма о Православии. Отметим ещё тут его, в основном полемические, сочинения о Католицизме и о римокатоликах, к чему вернёмся ниже.

Большого успеха удостоились его описания Вечерней, Утрени, Преждеосвященной Литургии. Внимательно прочитав "Триодь Постную" он был поражён красотой, поэтичностью и глубиной этой Богослужебной книги, что побудило его открыть шире это богатство верующему народу, написав книги о Великом посте и Святой Пасхе и ещё о Святах таинствах. Все эти сочинения были собраны в одну книгу "Письма о Богослужении", изданную в 1837-ом году и встретившую огромный успех.

Министр Иностранных Дел Нессельрод ознакомил с этой книгой Государя Императора, который остался восхищённым ею и Государь определил А. Н. Муравьева на ответственную должность обер-секретаря Святейшего Синода.

Книга выдержала десять изданий, была переведена на ряд иностранных языков и предполагается, что она имела влияние на сочинение В. Н. Гоголем своих "Размышлений о Божественной Литургии", задуманных в 1845 году и вышедших посмертно в 1857-ом. Эти "Размышления", написанные в том же доступном духе и стиле что труды Муравьева преследовали ту же цель: открыть для народа красоту и богатство Православия.

Из всего вышесказанного видно насколько вся жизнь, все силы Андрея Николаевича были устремлены к защите православной веры, выявлению превосходства Православия над всеми иными учениями. Вёл он беспощадную борьбу с теми Русскими, в основном из высшего аристократического общества, которые дали себя соблазнить ватиканскими интригами и сами пытались прельстить других, а когда стали появляться слухи о возможном примирении с Католичеством, то написал обстоятельное обличение о возможном соединении Церкви Российской с Западной. Написал сильное Слово Кафолического Православия Римскому католицизму и год спустя то же самое с Прибавлениями, что в четыре раза увеличило содержание первого издания, написал Письма к уклонившимся в латинство и наконец Римские Письма и год спустя, Прибавления к Римским Письмам. В этих трудах каждый может найти ответы на интересующие его вопросы. Итак, обследовав все российские святыни, побывав на Святой Земле, оставалось увидеть Вечный Град Рим. И тут такое разочарование...

Он смотрит на действительность именно православными глазами. Первое, что он посещает — это базилику св. Петра и его поражает необъятная пустота, великолепного тем не менее здания, но в храме Божиим находится ли он? Это самое первое физическое и духовное столкновение с сердцевинной Католичества наш автор изложил в своих объёмистых Римских Письмах.

Эти письма полны впечатлениями, недоумениями и как правило

сравнениями с православными обычаями и практикой. На каждом шагу, недоуменный вопрос приходит ему в голову — «Так ли бывает у нас в православной Руси»?

В день Входа Господня во Иерусалим он отправляется в базилику св. Петра на службу, возглавляемую папой и недоумекает перед зрелищем, которое открывается перед ним. Всё внимание сосредоточено на шествующем папе, окружённом вооружённой стражей и двором, а не на смиренном Господе, восседавшем на ослиати. Тут присутствовало куда более зрителей этой инсценировки, нежели богомольцев. Тут проходил не столь Наместник Христа или преемник Апостолов, как преемник Кесарей. И Муравьёв открывает свою православную душу и пишет: «Зрелище сие могло показаться величественным для того, кто смотрел мирским глазом на царственное величие Первосвященника римского, но тяжело было православному сердцу видеть мирскую суету величавшего себя титулом Наместника Христова, царствие коего не от мира сего. Мне кажется, должно быть совершенно несведущим во всём, что касается первобытного Христианства, или даже заглушить в себе религиозное чувство, чтобы восхищаться подобным зрелищем, которое никаким образом нельзя оправдать».

Что ещё поразило Муравьёва это полное отсутствие общения между этим Верховным Понтификом и народом, в принципе молящимся. «Так ли бывает у нас в православной Руси»? - вновь задаёт себе вопрос православный паломник, вспоминая как у него на родине все теснятся для получения архиерейского благословения.

Такое несоответствие между виденным в базилике и тем, к чему его христианская душа жаждала приобщиться в городе и месте, орошённом кровью мучеников и где покоилось столько дивных мощей древних величайших святых, было поразительно.

Публика в основном любовалась и восхищалась статуями, коллонами, скульптурными изображениями, шедеврами Микель Анджело, но он, досконально изучив христианскую историю древнего Рима, жаждал приложиться к святым мощам древних святых, к сохранённым святыням тех далёких времён, а ему давали приложиться к бронзовым изваяниям, изображающим святых, чьи мощи пребывали за тремя решётками на недосыгаемом расстоянии от верующих...

«Так ли бывает у нас в православной Руси»? - не переставала скорбеть его душа, вспоминая, как относится верующий народ ко святым мощам в России. «Так мало заботятся о священных останках преподобных мужей. Надгробные же памятники Первосвященников показываются с большею внимательностью/.../ Кладбище минувшего представилось взорам моим, вот где наконец замолк вещей Рим, улёгся он на вечный покой после всемирной борьбы своей».

Этим последним суждением Муравьёв дал окончательную оценку своему путешествию и одновременно оценку современному Католицизму. В Письмах о Православии, отвечая одному оппоненту, упрекавшего его в неведении Римской Церкви, напоминает, что ходил он в Рим изучать её на практике «и признаюсь, нигде более, как в самом Риме, не утвердился я в Православии», и добавляет «я искал там Церкви и обрёл царство, и вместо знаменательных слов о камне веры горько отозвались моему сердцу последующие за ними слова: соблазн ми еси, яко не мыслиши яже суть Божия, но человеческая» /Мф 16, 23/. В Риме столкнулся он не с Божественным, а со земным.

Для него, в папской столице, внешнее окончательно заслонило внутреннее, и ничего доброго ожидать России и русскому народу от Католицизма не следовало.

Поэтому так непонятны были ему обращения русских людей

в Католичество. Боролся он с этим вредным, как ему казалось, явлением, не покладая рук и с радостью встретил он в 1839 году воссоединение униатов с Православной Церковью, произошедшем на Полоцком соборе.

Для Андрея Николаевича, 1839 год «блистательное время присоединения Унии», что побудило его составить полемическую книгу против Латинян, отвечая «на их словопроения против патриарха Фотия и в пользу Флорентийского Собора». Вся его борьба в этой области преследовала единую цель утверждения Православия во всей его полноте.

Успешно полемизировал он ещё с иезуитом Е. П. Балабиным прямо на французском языке, в чём напоминает нам своего близкого друга и единомышленника А. С. Хомякова, полемизирующего на их языке с французскими богословами в своих бессмертных брошюрах "Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях". Муравьёв в опровержение тезисов Балабина издал книгу под общим названием Question religieuse d'Orient et d'Occident, в которой помимо самого ответа присоединил несколько прежних трудов против Латинян и в частности Слово Кафолического православия Римскому католицизму «написанное для удержания в недрах родной Церкви одного приятеля, увлечённого лестью иезуитской, было первою виною сих писем. /.../ католицизм: вероисповедание самых злых противников Православия».

Многое можно было бы ещё писать о трудах Муравьёва против таких “злых противников Православия” - князей Голицына, Трубецкого и ещё князя, пожалуй самого вредного, И. С. Гагарина, ставшего католическим священником и замыслившего соединить Восточную Церковь с Западной.

Программу свою, сей «отступник Православия, живущий в чужих краях», как о нём говорил Андрей Николаевич, изложил в книге

La Russie sera-t-elle catholique?

Книга сразу наделала много шуму и конечно была немедленно переведена на русский язык — Станет ли Россия католической?.

Несмотря на то, что на вопрос — какой резонанс она встретила в России, Муравьёв отмахнулся, сказав "мы ей только посмеялись", однако на Гагарина ополчились самые точённые перья — Хомяков, протоиерей Яхонтов, Сушков и сам Муравьёв, который, помимо прочего, мог питать неприязнь к Гагарину, которого подозревали в авторстве анонимной клеветы, ставшей причиной дуэли с Дантесом и смерти Пушкина. «Слышал я, что Хомяков, написавший уже две весьма дельные брошюры, собирается написать и третью – на сию книжку отца Гагарина, также в виде вопроса: «Un Jésuite peut-il être chrétien?» /Может ли иезуит быть христианином?/ – и право, она большего не стоит!».

И ещё раз, без обиняков, выражает свою неприязнь к Католицизму: «Да если бы кто-либо из высшего духовенства, которое подозревает он в склонности к Риму, заикнулся только о союзе с Римом, народ бы закидал его камнями: до такой степени сильно чувство отвращения к Западу в русском народе, которому ещё памятны действия иезуитов во дни самозванцев».

Истинный борец за православную веру Андрей Николаевич Муравьёв провёл всю свою жизнь в просвещении своих современников, раскрывая для них всю полноту и красоту Православия, которое отважно защищал от всех нападков внешних и внутренних. Когда в России чувствовалось увлечение к Западу и всему западному, когда некоторые испытывали по отношению к нему даже чувство неполноценности, то он не страшился браво громить главную западную цитадель — Рим, Ватикан и Католицизм, как сможет убедить читатель, знакомясь с надлежащим быть переизданным трудом "Римские письма".

ИЗДЕВАТЕЛЬСТВО НАД ЯЗЫКОМ И ИСТОРИЕЙ

Я сторонник того, что надо изучать и восстанавливать исторический облик городов.

Такие города как Томск, Красноярск, Иркутск в советское время были почти лишены своих особенностей, оригинального облика, и это было сродни преступлению.

Советская топонимика есть издевательство над русским языком, историей и культурой. Я не понимаю, что может мешать восстановить исторические городские топонимы. Объяснение этого финансовыми причинами кажутся мне нелепыми. Вот какое, скажите, пожалуйста, отношение к Красноярску имеет Робеспьер, почему в честь него названа улица в центре города? Никакого.

Эта железобетонная советская топонимика — в

честь самых злостных ненавистников России, русофобов и террористов, откровенно говоря, угнетает.

Этим непотребством испоганена вся русская земля.

Скажем, в Красноярске чтят память Василия Ивановича Сурикова, там родившегося казака, особо гордившегося тем, что знает семь поколений своих казачьих предков.

И это — замечательно. Но художественное училище имени Василия Ивановича Сурикова располагается на улице Свердловская. Суриковское училище на улице палача казачества...

За что такой почёт и уважение товарищу Якову Свердлову в городе Красноярске, основанном казаками? За особые заслуги в уничтожении казачества как такового? За геноцид («расказачивание»)? Как известно, Яков Свердлов был одним из главных идеологов уничтожения. По-видимому, действовательно заслужил за это «увековечивания памяти». Именно в Красноярске. Делом доказал, что достоин. И вот потомки недоистреблённых

казаков уже и после «советской власти» обязаны каждый день взирать на имя своего палача. Иными словами, жертвы обязаны — согласно подобной «идеологии» — еще и «благодарить» (славить) своих палачей. Нечто подобное и описал писатель Виктор Петрович Астафьев в романе «Прокляты и убиты».

Безусловно, я православный христианин. Меня иногда упрекают, что я в своих трудах якобы заявляю, что, мол, только православный может заниматься русской литературой. Но я всего лишь показываю значение православной аксиологии в русской литературе, доказывая мысль о том, что без позитивного отношения к Православию непонятно не только русская литература, но и всякая русская жизнь.

Речь идёт о Православии как о фундаменте, на котором строится русская культура. То есть, при уважении к православным ценностям человек с любым мировоззрением может быть деятелем русской культуры.

Если же вы испытываете

фобии к православному типу духовности, то вам трудно понять русскую культуру как таковую. И литературу, которая в своем магистральном духовном векторе не противостояла многовековой русской православной традиции, как это долгое время пытались доказать, но, напротив, вырастала из этой традиции, из русского пасхального архетипа и идеи соборности.

Советский коллективизм и русская православная соборность не только не синонимы, но имеют совершенно разный генезис, советский коллективизм есть отрицание русской соборности. Лучшее описание Пасхи в русской литературе, безусловно, у Ивана Сергеевича Шмелёва - в его романе «Лето Господне». В своей монографии «Пасхальность русской литературы» я ввожу термин — «пасхальный роман». «Лето Господне» — настоящий пасхальный роман.

Проф. Иван Есаулов

«НАША СТРАНА». Орган русской монархической мысли. Основан 18.9.1948 Иваном Лукьяновичем Солоневичем. Редактор: Николай Леонидович Казанцев.

NUESTRO PAIS. Registro Nacional de Propiedad Intelectual 949917. Мы имеем право сокращать, не извращая смысла, полученные материалы. Телефон редактора: (54-9-11) 5485-2306. Э-адрес: kasanzew@gmail.com Мнения авторов не всегда выражают таковое газеты. При перепечатке ссылка обязательна. Сайт газеты: <https://nashastrana.net>